

Ю.Н. МИХАЙЛОВА

*(Уральский институт экономики, управления и права,
г. Екатеринбург, Россия)*

УДК 821.161.1.3(Минаев С.)
ББК Ш33(2Рос=Рус)-8,44

ПЛЮРАЛИЗМ РЕЧЕВОЙ МАНЕРЫ ГЕРОЯ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ КРЕАТИВНОСТИ АВТОРА

Аннотация: В статье анализируются речевые особенности героя повести С. Минаева «Духless», выявляется поликодовость персонажа, обусловленная социальными условиями и коммуникативными задачами.

Ключевые слова: многоречие, речевая культура, субъязык, иноязычная лексика.

Автор художественного текста проявляет свою креативность не только в создании самого художественного произведения, но и в создании речевой манеры персонажей. Тексты современных авторов с этой точки зрения представляются чрезвычайно интересными, так как речевая манера современного молодого человека характеризуется «многоязычием, двудиалектностью, полиглотизмом» [Ларин 1977: 189-190], т.е. способностью переключаться на различные подсистемы языка и стилевые регистры в соответствии с предложенными обстоятельствами.

В докладе мы обратились к произведению современного автора Сергея Минаева «Духless. Повесть о ненастоящем человеке». Задача исследования – проанализировать речь главного героя – Макса – в аспекте многоречия, выявить креативный потенциал писателя, фиксирующего тип речестроения и ненормативные речевые практики своего героя.

Обращение к этому персонажу не случайно. Макс – яркий представитель поколения 1970-1976 годов. Он коренной москвич, историк по образованию, считающий себя интеллигентом хотя бы потому, что он не может себе позволить, «чтобы в машине на заднем сиденье валялась книга с названием «Комбат атакует» или «Спецназ выходит на связь». И свои первые деньги он «потратил не на «бэжу» четырехлетнюю, как у пацанов, а на поездку в Париж». Он увлекается литературой «вроде Сорокина, Пелевина, Болмата, Елизарова», цитирует А. Блока. Макс – достаточно образованный человек, однако существенно изменившийся под влиянием окружающей действительности. На примере этого героя можно говорить о смене культурно-ценностной парадигмы молодого поколения, что проявляется, в частности, и в коммуникативной компе-

тентности.

Речь Макса, как и всякого образованного человека, отличается поликодностью, вместе с тем парадигма языковых подсистем и стилей, находящихся в распоряжении молодого человека, не совпадает с речью интеллигентов старшего поколения. Плюрализм речевого поведения Макса проявляется в переключении с литературного языка на нелитературные субязыки, и при этом его речь насыщена иноязычными лексемами. В процессе речевой коммуникации он легко переходит на различные подсистемы языка и стилевые регистры в соответствии с предложенными обстоятельствами, объединяет слова, абсолютно разные с культурной и идеологической точки зрения. Так, словосочетания *бывший партийный босс* и *этакий микст СССР* объединяют слова разных культурных эпох – советской и постсоветской.

Речевая культура главного героя повести может быть отнесена к литературно-жаргонизирующему типу речевой культуры. «Носители этого типа речевой культуры вполне владеют нормами литературного языка, но, утверждая в обществе свою манеру речевого поведения, не считают нужным строго им следовать. Для них характерна установка на снижение речи, для чего используются жаргонные и просторечные слова» [Сиротинина 2003: 4-5].

Речь Макса изобилует жаргонной лексикой: *тусовщик, чел, пэтэушник, обхамили, чувиха, окосеть, тупизм, кучковаться; трезвяк; нищеброд, алкаш, фальшак, обжимушки, отжигать; простебаться; кликать; стремак; стушеваться, замяться; беспонтовый; гопник; дележ; нудятина; журналюга; непонятки.*

В основном это единицы молодежного жаргона и арго, которые выступают как стратегически заданный способ «согласования коммуникативных действий» [Борисова 2001: 219].

Значительное место в речевых произведениях главного героя занимает иноязычная лексика. Среди факторов, которые способствуют столь массовому и относительно легкому проникновению иноязычных неологизмов в наш язык, определенное место занимают причины социально-психологические. Многие носители языка считают иностранное слово более престижным по сравнению с соответствующим словом родного языка [Современный русский язык: 2008: 171]. Макс употребляет, как правило, заимствования из английского языка: воплощение клубной культуры и *night fever style* (=стиль ночной лихорадки); *party* (=вечеринка); под потолком две площадки для *go go girls*; *swear* (=дорогой); *honey* (=дорогая). Вместе с тем встречаются вкрапления и из других языков: «Prada» уже несколько *demode* (фр. *вышедший из моды, устаревший*); *dolce vita* (итал. *сладкая жизнь*);

amigos (испан. друг); *Arbeit macht frei!* (нем. Труд делает свободным или Труд освобождает); *Vox populi* (лат. Глас народа), скажу я вам – страшная сила. Интересно, что англоязычные вкрапления обычно представляют собой простые слова или фразы, тогда как заимствования из других языков – это чаще прецедентные тексты.

В оформлении заимствованных слов и выражений, которыми пользуется в речи Макс, С. Минаев разнообразен и креативен. Писатель использует ряд способов. Во-первых, это традиционная для иноязычных вкраплений латиница: *кладбище haute couture* (фр. Высокая мода); *настоящий герой Fashion TV* (=модное телевидение).

Во-вторых, прием транслитерации: *при входе размещается ресепшин, ресепшин-деск* (=регистратура, стойка администратора); *неудачный икспирьенс* (=опыт); *это коммьюнити лузеров* (=общение неудачников); *Это невозможно замылить и извратить никакими мифическими «маркет-ресерчами»* (=исследование конъюнктуры рынка) и *«филд-репортами»* (=отчет с места работы). Возможно, передача заимствованных слов кириллицей маркирует ситуацию общения – это непринужденный разговор между людьми одного круга.

Следующий способ оформления иноязычных неологизмов, встречающихся в речи главного героя, – графикация: *lounge-зона, vip-зона*. Графические инновации, или слова-«кентавры», представляют собой языковые единицы, в которых одна часть слова русифицированная или просто русская, а другая (обычно начальная) представляет собой слово или морфему, перенесенную из другого языка в «нетронутым» виде, то есть изображаемую на письме латиницей [Современный русский язык: 2008: 173]. Интересен в этом отношении следующий пример – *krytie bandity from Taganka Area* (=крутые бандиты с Таганки), где писатель соединяет русское жаргонное выражение, транслитерируемое латиницей, с английскими словами.

Еще один образец креативной установки автора – окказиональное словообразование в речи персонажа, в котором проявляется игровое начало. Например: *и тут открывается задняя дверь нашего «газенагена»...* (название машины образовано путем сложения милицейского ГАЗа и Мерседеса гелендваген); *Мне от всех этих ЛОХнесских чудовищ делается дурно, и я ухожу в свой кабинет* (наложение жаргонизма *лох* на название легендарного Лохнесского чудовища Несси); *Микки-маусмен (вумен) объявляет выход этого Андрея* (соединение имени Микки Мауса с английскими *men, women*).

Словесно-художественная культура призвана отражать новые социальные явления, среди которых многообразие является, вероятно, нормой. Но, выводя новый социальный тип, описывая речевую манеру

главного героя, существенно отличающуюся от речевых портретов предшественников, С. Минаев рефлексировал по поводу снижения роли литературного языка, утраты интеллигентного общения, вкладывая в уста Макса такие слова: *Наступят времена, когда город безнадежно изменится, потеряет свою патриархальность, самобытность, свой особый диалект с «булошными» и «лавками» наших бабушек, сметенных селом из вновь прибывших, говорящих на тюркско-хохлацкой языковой смеси, изобилующей американизмами и блатным сленгом.*

ЛИТЕРАТУРА

Борисова И.Н. Русский разговорный диалог: структура и динамика. – Екатеринбург, 2001.

Ларин Б.А. К лингвистической характеристике города (несколько предположений) // История русского языка и общее языкознание. – М., 1977.

Сиротинина О.Б. Типы речевых культур в профессиональной деятельности человека (роль социальной активности личности в формировании типа речевой культуры) // Язык и власть: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. проф. М.А. Кормилицыной. – Саратов, 2003.

Современный русский язык: Активные процессы на рубеже XX-XXI веков. – М., 2008.

© Михайлова Ю.Н., 2014